

Библейско-богословская коллекция
ПАТРОЛОГИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Маккавейский Н.К.

**СВ. ДИМИТРИЙ,
МИТРОПОЛИТ
РОСТОВСКИЙ,
КАК ПАСТЫРЬ
И ПАСТОРЛОГ**

Труды Киевской духовной академии,
1910, I, №1, с. 22-64

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Святой Димитрій, митрополитъ Ростовскій, какъ пастырь и пасторологъ.¹⁾

„Санъ священства отъ Господа на земли учиненъ есть не ради упокоенія и прохлады, но да множайшія труды Святитель подвемлетъ выну, о вѣсехъ спасенія некійся“.

Св. Димитрій Ростовскій, соч. т. III, М. 1835, стр. 340.

На сѣромъ будничномъ фонѣ человѣческой жизни, съ ея мелкими низменными интересами, среди обычной суеты и пошлости, подобно яркимъ звѣздамъ сіяютъ отдѣльныя высокія личности. Своею жизнью—ея укладомъ, характеромъ и результатами—они ярко свидѣтельствуютъ о высотѣ человѣческаго призванія, о богатствѣ и красотѣ человѣческой природы, о ея мощныхъ силахъ и неисчерпаемыхъ дарованіяхъ. Вотъ почему мнѣ кажется, что моментъ, переживаемый нами сейчасъ, долженъ быть названъ не иначе, какъ великимъ свѣтлымъ праздникомъ. Это великій праздникъ торжества лучшихъ сторонъ человѣческой души, свѣтлый праздникъ побѣды ихъ надъ темнымъ царствомъ пошлости и зла.

Ровно двѣсти лѣтъ назадъ, въ этотъ день (28 октября) раннимъ утромъ три раздѣльныхъ удара соборнаго колоко-

¹⁾ Рѣчь, читанная 28 октября 1909 г. въ торжественномъ собраніи Академіи, посвященномъ двухсотлѣтней памяти (со дня блаженной кончины) св. Димитрія, митрополита Ростовскаго.

ла въ Ростовѣ прозвучали надъ городомъ печальною вѣстью о кончинѣ его великаго святителя—митрополита Димитрія. Его нашли колѣнопреклоненнаго, „въ молитвѣ духъ свой Богу предавшаго“¹⁾. Такъ умеръ великій святой подвижникъ. Онъ желалъ, „да часть смертный не въ праздности заставеть“ его²⁾, и этого не случилось: онъ и почилъ въ трудѣ, среди подвига молитвы, въ послѣдней земной бесѣдѣ съ Отцомъ Небеснымъ. Да и могло ли быть иначе, если душа его всю жизнь влеклась туда, къ міру горнему, а жизнь эта была одинъ неустанный трудъ, одинъ непрерывный подвигъ!

Я не беру на себя задачи слѣдить за всѣми фактами этой замѣчательной жизни, отъ начала и до конца ея. Скажу только, что предъ многими здѣсь мы невольно останавливаемся, въ изумленіи предъ высотой понесенныхъ трудовъ и въ благоговѣйномъ умиленіи предъ святою чистотою ихъ.

Это раннее, еще юношеское стремленіе къ жизни духовной, созерцательной,—эти самостоятельныя, въ тиши монастырской кельи, ревностныя занятія самообразованіемъ, это не знавшее усталости упоеніе высокимъ литературнымъ трудомъ и особенно трудомъ надъ житіями святыхъ, когда душа писавшаго ихъ, вся захваченная предносившимися образами, переживала ихъ съ такою силою, что созерцала ихъ и въ недолгіе часы сна,—и вмѣстѣ съ тѣмъ, чередуясь съ этимъ самоуглубленіемъ и одиночествомъ, частое выступленіе предъ людьми съ проповѣднымъ словомъ, хлопотливое завѣдываніе монастырями, въ должности настоятеля ихъ, въ различныхъ мѣстахъ и, наконецъ, полное высокой

¹⁾ Житіе иже во святыхъ отца нашего Димитрія митрополита Ростовскаго чудотворца. См. сочиненія св. Димитрія, ч. I, Кіевъ, 1824 г., стр. 24.

²⁾ См. „Дневныя записки“ св. Димитрія (Діаріушъ): подъ 8 ноябрю 1708 г. письмо его къ „пречестному отцу Θεодору Поликарпову“. Сочиненія св. Димитрія, ч. I, стр. 349.

ревности и неустаннаго труда архипастырское служеніе въ Ростовѣ—о чемъ говорить такая жизнь? Предъ нами ясный обликъ души великой, богато одаренной. Мы видимъ пытливый, самоуглубленный умъ, не удовлетворяющійся поверхностнымъ объясненіемъ фактовъ и явленій окружающей жизни, а стремящійся къ высшему синтезу ихъ, къ конечному и твердому рѣшенію проблемы міра и человѣка; предъ нами человѣкъ сильной воли, преодолевающій всѣ препятствія, нерѣдко воздвигаемыя жизнью на пути къ его высокой цѣли; вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ душу любящую, чуждую и тѣни гордости и самопревознесенія, не замыкающуюся въ своей излюбленной стихіи—въ высокыхъ религіозныхъ подвигахъ и литературномъ трудѣ, а съ кроткою готовностью жертвующую и ими тамъ, гдѣ это оказывается нужнымъ для блага ближнихъ...

Да, такая жизнь заслуживаетъ того, чтобы присмотрѣться къ ней внимательнѣе, приникнуть къ переживаніямъ этой души не умомъ только, но и благоговѣйнымъ сердцемъ. Но мы не будемъ слѣдить за всѣми трудами и подвигами св. Димитрія. Я ограничусь лишь послѣдними семью годами жизни его—въ санѣ митрополита Ростовскаго и еще частнѣе, я хотѣлъ бы вспомнить въ главнѣйшихъ чертахъ и охарактеризовать собственно пастырскую дѣятельность его здѣсь.

На свое высокое служеніе архипастыря ростовской епархіи святитель Димитрій вступилъ на 51-мъ году своей жизни, человѣкомъ не только уже вполне сложившимся, но и умудреннымъ богатымъ опытомъ предшествовавшей церковной дѣятельности. Поэтому вся сложность и трудность предстоящаго ему дѣла были совершенно ясны для него. Въ то-же время его личныя душевныя качества—этотъ постоянный религіозный трепеть души его, вмѣстѣ съ его кротостью и любовью къ людямъ—должны были, съ одной стороны, облекать ожидавшее его дѣло пастырства особымъ святымъ величіемъ, съ другой вливать

въ его душу живую струю чисто отеческой заботливости о вѣрнѣйшихъ его попеченію. И дѣйствительно, такія именно черты пастырскаго облика святителя проявляются сразу, при первомъ-же выступленіи его предъ ростовскою паствою.

1 марта 1702 года, въ воскресенье третьей недѣли великаго поста новый митрополитъ Димитрій, только что прибывшій въ Ростовъ, послѣ литургіи въ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, обращается къ своей паствѣ съ первымъ привѣтственнымъ словомъ и въ немъ излагаетъ свой взглядъ на предстоящее ему дѣло, на свои пастырскія обязанности и на обязанности пасомыхъ по отношенію къ нему.

„Азъ придохъ, говоритъ онъ, не да послужите ми, но да послужу вамъ... Придохъ къ вамъ съ любовію: реклъ быхъ, яко придохъ, якоже отецъ къ чадомъ, но паче реку: придохъ, якоже братъ къ братіи, якоже другъ къ любезнымъ другомъ... Аще же и отцемъ мя воззовете, то азъ Апостольски къ вамъ отвѣщаю: чадца моя, ими же болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ (Галат. IV, 19)“... Онъ „радуется духомъ“, придя въ этотъ городъ и видя свою новую паству, этотъ виноградникъ, насажденный десницею Вышняго и взрощенный „трудами прежде бывшихъ архіереевъ“. Онъ молить Владыку Христа, „да ни една овца отъ сея Христовы и Богородичной ограды пойдетъ въ заблужденіе и погибель“... При этомъ онъ ясно видитъ всю сложность и трудность предстоящаго ему дѣла. „Долженъ есмь, говоритъ онъ,... немощи немощныхъ носить, и не себѣ угождати, но комуждо васъ во благое къ созиданію, ибо и Христосъ не себѣ угоди. Долженъ есмь вразумляти безчинныя, утѣшати малодушныя, заступати немощныя, долготерпѣливъ быти ко всѣмъ. Долженъ есмь добрыя любити, злыя же съ милованіемъ наказывати, о всѣхъ пользѣ пе- щися, всѣмъ спасенія тщательно искати, о всѣхъ молитися“. Высота и отвѣтственность такого служенія заставляють

святителя принять его со страхомъ, „яко отвѣтъ воздати... имущи“. Но, съ другой стороны, эта же приводящая въ трепеть высота подлежащей задачи дѣлаетъ слово его властнымъ и рѣшительнымъ: святитель твердо устанавливаетъ свое архипастырское требованіе отъ пасомыхъ, какъ ихъ прямой обязанности по отношенію къ нему,—любви, уваженія, повиновенія и ревностнаго исполненія его наставленій. Они должны его, „пастыря своего, знати, *любовь* же нелицемѣрную, *почтаніе* неленостное и *повиновеніе* подобающее являти и со усердіемъ творити“. Если онъ имъ отецъ, то и они по отношенію къ нему должны быть „*присни чада*“. „Аще изволить есть Христось, да буду въ васъ первенствующій: вы убо будете *кротцыи* и *смирenniи* подъ управленіемъ первенствующаго“. Если онъ пастырь ихъ, то они должны быть „*истинныи овцы*, овцы *слушающии*, а не преслушающіи гласа пастыря своего“¹⁾.

Итакъ, можно сказать, что и содержаніе и характеръ пастырской дѣятельности святителя Дмитрія намѣчаются предъ нами уже въ этомъ первомъ вступительномъ словѣ его къ ростовской паствѣ. Задачу своего служенія онъ ставитъ широко и жизненно: пастырскія заботы его будутъ простираться на *всѣхъ* ввѣренныхъ ему Богомъ словесныхъ овецъ, соответственно *разнообразнымъ* нуждамъ ихъ. Методы и средства пастырскихъ воздѣйствій его будутъ проникнуты духомъ любви и милосердія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и той строгости и рѣшительности, какая требуется высотой и отвѣтственностью его служенія. И тѣ семь съ половиною лѣтъ, какіе судилъ Господь митрополиту Дмитрію „послужити“ землѣ Ростовской, являютъ намъ этотъ кроткій и вмѣстѣ строгій, но всегда неизмѣнно исполненный самой горячей любви къ людямъ пастырскій обликъ святителя во всемъ его величіи.

¹⁾ Соч. ч. I, стр. 36—38. Курсивъ мой.

Можно, даже не справляясь съ историческими данными, напередъ съ увѣренностью сказать, въ какомъ состояніи нашелъ святитель тотъ виноградникъ, который порученъ былъ ему Богомъ. Его ростовская паства не могла составлять свѣтлаго исключенія среди того общаго мрака нищеты, невѣжества, нравственной разнузданности и дикости, религіозныхъ суевѣрій и расколовъ, въ какомъ пребывала тогда вся масса русскаго народа. Но и въ собственныхъ проповѣдяхъ святителя Димитрія мы находимъ яркую картину этого печальнаго во всѣхъ отношеніяхъ состоянія его паствы.

Христа и Его царства, по слову святителя, нѣтъ нигдѣ: онъ не находитъ ихъ ни въ одномъ сословіи. Такъ, ихъ конечно нѣтъ въ лѣсахъ Брынскихъ, среди раскольническаго лжехристіанскаго ученія, такъ широко распространившагося и такъ „утѣсняющаго и умаляющаго“ святую церковь¹⁾. Но нѣтъ ихъ и въ православныхъ христіанскихъ храмахъ, потому что „не изволяетъ обитати Господь, егда неблагоговѣйніи и не имущіи Божія страха челоувѣцы домъ Его святой разбойническимъ дѣлають вертепомъ“. А такъ именно и бываетъ, по словамъ святителя, обыкновенно: и „людіе“, собравшіеся въ храмѣ „будто на молитву“, и сами „духовнаго чина лица“ ведутъ себя здѣсь не только не благоговѣйно, но и самымъ непристойнымъ образомъ²⁾.

1) „Уже толь отъ расколовъ умалися самая истинная Соборная Церковь Апостольская, яко едва гдѣ истиннаго сына Церкви найти; едва бо не во всякомъ градѣ иная вѣкая особая изобрѣтается вѣра, и уже о вѣрѣ и простые мужики и бабы, весьма пути истиннаго незнающіе, догматизуютъ и учать, якоже о сложеніи тріехъ перстовъ глаголюще: не правый и новый крестъ быти, и въ своемъ упорствѣ окаянніи стоятъ, презрѣвше и отвергше истинныхъ учителей Церковныхъ. А иніи аки бы и внѣтъ Церкви обрѣтаются, но коварно, образъ токмо имуще благочестія, силы же Его отмищущеса“. Соч. т. II, М. 1833, стр. 180.

2) „Соберутся людіе въ церковь будто на молитву, а между собою молвятъ и праздословятъ о внѣшнихъ, или о куплѣ, или о бравахъ, или

Нѣтъ Христа въ душахъ людей, именующихъ себя христіанами: здѣсь такъ же трудно найти Его, какъ „драгоцѣнный бисеръ во глубинѣ морстѣй, злата и сребра въ нѣдрахъ земныхъ“¹⁾... Нѣтъ Христа и въ „чинѣ духовномъ“, съ его честолюбіемъ и властолюбіемъ на высшихъ степеняхъ, съ нищетою, невѣжествомъ и недѣятельностью на низшихъ. Нѣтъ Его и въ монастыряхъ, гдѣ „нынѣ все попортилось: ничего не стало, и чина не стало... Токмо клопотъ да ропотъ, печаль да воздыханіе“²⁾. Можетъ быть, Христось и царство Божіе сохранились въ простомъ народѣ? „Въ народѣ то, говоритъ святитель, самыя дѣлаются беззаконія, воровства, татьбы, разбои, убивства, и иная премногая скверная дѣла, ихже не токмо глаголати, но и въ помыслѣ воспоминаути стыдно есть“³⁾. Среди бояръ, князей и судей „на правдѣ посажденныхъ“... „на силу когда и бывалъ Христось... И правда въ нихъ скудна и милосердія нимало“... За то есть „многая богатства неправедная, собранная отъ грабленія, хищенія, отъ обидъ и слезъ людскихъ“⁴⁾. Не лучше

кого осуждаютъ, или ругаются кому, и хульными словесы добрую ближняго славу разбиваютъ... а инъ стоя дремлетъ, а инъ скверная и злая помышляетъ, инъ татьбу, инъ убійства, инъ прелюбодѣяніе, инъ гвѣвъ и месть ближнему своему стоя во храмѣ мыслить... А иногда случается и то, что духовнаго чина лица, будучи пьяными, бранятся, сквернословятъ, дерутся во храмѣ и святомъ олтарѣ“... Соч. т. II, стр. 176—177. Ср. т. III, М. 1835, стр. 228. 230. 288. 432. Эта тема часто трактуется въ проповѣдяхъ святителя Димитрія. Очевидно, была въ этомъ настоятельная нужда. Безчинства въ храмахъ вызвали даже особый указъ Петра въ 1712 г. Вѣроятно, сохранилась и та тяжелая гиря, которую онъ приказывалъ вѣшать на шею разговаривающимъ въ время богослуженія. См. у Ф. А. Терновскаго: „Русское проповѣдничество при Петрѣ I“. Руков. для с. п. 1870 г., т. III, стр. 212.

1) Соч. т. II, стр. 177—179.

2) Тамъ же, т. II, стр. 185. Эти хлопотливыя и печальныя времена настали для монастырей особенно послѣ возобновленія съ 24 января 1701 г. Монастырскаго приказа. См. въ изслѣдованіи проф. И. А. Шляпкина: „Св. Димитрій Ростовскій и его время“. СПб. 1891, стр. 298—317.

3) Соч. св. Димитрія, т. III, стр. 288. Ср. т. II, стр. 185.

4) Тамъ же, т. II, стр. 185—186; т. III, стр. 286.

ихъ и „торговые люди“, съ ихъ всегдашнею ложью и обманомъ¹⁾. Такъ и не нашелъ святитель ни въ одномъ классѣ ростовскаго общества Христа и царства Божія и считаетъ ихъ обитающими развѣ только въ тѣхъ людяхъ нищихъ и убогихъ, невинно страдающихъ отъ притѣсненій со стороны власть имущихъ, которыхъ въ то время было такъ много на Руси. Это царство несправедливости и насилія съ одной стороны, забитости и полной безпомощной нищеты съ другой, очевидно, было хорошо знакомо ему, потому что онъ рисуетъ его яркими чертами: „овыя въ послѣдней нищетѣ бѣдствующія, овыя гладомъ тающія, овыя на правезахъ біемя, овыя плачущія, въздыхающія, и уже едва въ иномъ душа въ тѣлѣ держится“²⁾... Въ другомъ мѣстѣ къ виновникамъ этихъ „обидъ, неправдъ, хищеній“ святитель обращается съ такими словами пророка Михея: „вы же до толика озлобляете нищихъ и убогихъ, людей невинныхъ, яко и вожу съ нихъ одрасте и кости ихъ столкосте, и содробисте плоти ихъ“³⁾...

Такая мрачная картина ростовской жизни, очевидно, еще слишкомъ мало затронутой началами христіанства, уже сама по себѣ ясно говоритъ о слабости или недѣятельности здѣсь людей, призванныхъ быть насадителями этихъ началъ, — пастырей церкви. И дѣйствительно, тѣ черты, какими изображаетъ самъ святитель Димитрій людей „духовнаго чина“ своей епархіи, показываютъ ихъ полную неспособность хоть сколько нибудь отвѣчать своему высокому назначенію. Повидимому, они даже мало чѣмъ и отличались отъ массы грубаго, невѣжественнаго простаго народа.

Такъ, святитель указываетъ на такихъ изъ нихъ (и вѣроятно, очень многихъ), „иже весьма въ разумѣ книжномъ

¹⁾ Тамъ-же, т. III, стр. 288.

²⁾ Тамъ-же, т. III, стр. 289. Ср. т. II, стр. 191.

³⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 186.

неискусны суще, *едва точію что прочести могутъ, ниже что-маго разумѣюще* и отнюдь учительствовати не вѣдуще, со многимъ тщаніемъ ищутъ и купуютъ себѣ санъ священства и пастырства, не да души человѣческія упасутъ и спасутъ, но да сами пасутся и почитаемы прославляются“¹⁾. Идутъ на это высокое и святое дѣло люди невѣжественные, конечно, побуждаемые только низменными матеріальными разсчетами. „Что ты приведе въ чинъ священный? спрашиваетъ святитель Димитрій: толи дабы спасти себе и инѣхъ? Никакоже, но чтобъ прекормить жену и дѣти и домашнія... Разсмотри себе всякъ, о священный человѣче! что ты мыслилъ еси, приходя въ чинъ духовный? Спасенія ли ради шель еси, или ради покормки, чѣмъ бы питать тѣло? Поискалъ Иисуса, не для Иисуса. но для хлѣба куса“.

Какіхъ пастырей можно было ожидать изъ такихъ кандидатовъ священства? Они оказывались „не токмо овцамъ Христовымъ не въ созиданіе, но ниже себѣ въ пользу, людемъ въ соблазнъ, себѣ же въ пагубу; инъ, взявъ ключъ разумѣнія, самъ не входитъ и входящимъ возбраняетъ; а инъ ниже ключа разумѣнія приѣмъ, весьма недѣленъ въ званіи своемъ пребываетъ, нетокмо ввѣренныхъ себѣ овецъ воспазеніе не приводитъ, но ниже самъ пути спасенія разумѣній *слѣпецъ слѣпцовъ водитъ* и купно *въ яму* впадаютъ“²⁾. Печальные результаты такого низкаго ценза кандидатовъ священства проявлялись въ видѣ поразительнаго невѣжества ихъ въ дѣлѣ священнослуженія, до цинизма грубаго отношенія ихъ къ совершаемой святынѣ и полной дикости нравственной. Вотъ нѣсколько яркихъ иллюстрацій.

¹⁾ Тамъ-же, т. III, стр. 531. „Что речемъ о тѣхъ, говоритъ святитель въ другомъ мѣстѣ, иже ни искусныи, ни довольныи ко пастырству, ни ученія, ни житія добродѣтельнаго имущи, многимъ попеченіемъ и святокушествомъ санъ той пріятн тщатся?“ Тамъ-же, стр. 543.

²⁾ Тамъ-же, т. II, стр. 184.

Святитель Димитрій приходитъ въ ужасъ, узнавъ отъ своихъ ростовскихъ протопресвитера и протодиакона то, „еже сами они очима своима видѣша“. Въ одной церкви „попъ служилъ святую литургію безъ книги, Служебникъ нарицаемой, и безъ молитвъ служенію подобающихъ, токмо едины возгласы глаголя“... Когда же они спросили его, почему онъ такъ дѣлаетъ, священникъ отвѣчалъ: „уже я прочелъ служебныя молитвы въ дому“. Трудно рѣшить, чего здѣсь больше, — невѣжества ли или святотатственной дерзости; вторая, конечно, зависѣла отъ перваго, но важно то, что это былъ случай не единственный, не исключительный. Когда стали говорить этому священнику, „яко не добръ дѣетъ“, онъ сослался на авторитетный для него примѣръ другихъ *старыхъ* священниковъ: „азъ отъ старыхъ поповъ сего навыхохъ, и сказа по имени, отъ кого навиче“¹⁾. Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ весьма характерною чертою богослужебной практики, быть можетъ, довольно распространенною въ то время. А вотъ и еще примѣръ, опять взятый прямо изъ жизни и потому также очень характерный.

Въ 1702 г. на пути въ Ярославль святителю Димитрію случилось войти въ одну сельскую церковь. Желая поклониться Пречистымъ Христовымъ Тайнамъ, онъ спросилъ тамошняго священника о мѣстѣ храненія ихъ. „Попъ же той, рассказываетъ святитель, не уразумѣ словесе моего, и яко не домысляяй стояше, молча. Паки рѣхъ: гдѣ Тѣло Христово? попъ же ни сего словеси познати можаше“. Когда же одинъ изъ бывшихъ съ митрополитомъ „искусныхъ“ священниковъ спросилъ его: „гдѣ запасъ? тогда онъ изъесть отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велию святыню, на ню же Ангели смотрять со страхомъ“. Понятны чувства печали и возму-

¹⁾ Тамъ же, ч. I, стр. 139.

щенія у архипастыря, узнавшаго объ этомъ. „Держать бо тую толь великую Святыню,—пишетъ онъ по этому поводу въ своемъ окружномъ посланіи священникамъ своей епархіи,—не на подобающемъ мѣстѣ, но нѣгдѣ во углѣ, а иногда въ домѣ безъ всякаго почитанія, и въ сосудѣхъ нечистыхъ очернѣлыхъ: а еже горѣ, яко ниже нарицанія имъ честнаго вѣдятъ“¹⁾. И въ данномъ случаѣ для насъ важна, конечно, самая основа такого, несомнѣнно, очень распространеннаго явленія. О чемъ говоритъ оно, какъ не о крайнемъ религіозномъ невѣжествѣ священниковъ епархіи митрополита Дмитрія, откуда исходило и это грубо-неблагоговѣйное отношеніе ихъ къ величайшей христіанской святынѣ²⁾.

То же невѣжество, далѣе, соединялось въ священникахъ ростовской епархіи съ общою грубостью нравовъ ихъ. Такіе пороки, какъ пьянство и грубое сквернословіе, повидимому, очень глубоко вкоренились среди духовенства, причемъ священники въ пьяномъ видѣ являлись совершать бо-

¹⁾ Тамъ-же, ч. I, стр. 131. Это побуждаетъ его сдѣлать соответствующія распоряженія священникамъ въ такой яркой формѣ, прекрасно рисующей современную бытовую картину: „Пречистыя Христовы Тайны да не держитъ іерей въ храминѣ между клопами и тараканами и сверчками, идѣже овъ самъ и домашнія его живутъ и почиваютъ, но въ святой церкви, и не на ивомѣ да держитъ мѣстѣ, токмо на престолѣ“... Если же „скорости ради къ больнымъ“ придется священнику имѣть ихъ у себя дома, „то въ особой клѣтѣ блюсти я на мѣстѣ честномъ, въ сосудѣ чистомъ и во всякомъ Богоподобномъ почитаніи“... Равнымъ образомъ и относительно наименованія онъ повелѣваетъ: „простое то нарицаніе запасъ да отставится, Тѣло же Христово Тѣломъ Христовымъ да нарицается или ииѣмъ коимъ честнымъ именованіемъ“. Тамъ же, стр. 132.

²⁾ Такъ понимаетъ это печальное явленіе и самъ святитель. „Пречистыя Христовы Тайны, повелѣзаетъ онъ, іерей да не нарицають тѣмъ простымъ словомъ запасъ, понеже простого ради того нарицанія, *въ страсть сей издавна обыкновеннаго*, поны препростіи не знаютъ *-бити сушало въ пречистыхъ Тайнахъ истиннаго Христа Бога*, ниже вѣдятъ нарицати Тѣла Христова тѣломъ Христовымъ, ниже почитаютъ то, яко тѣло Христово, но яко *протъ хльбъ безъ всякаго опасенія* нимало бегуще о толикой святынѣ, яке есть честнѣе и выше всѣхъ святынь церковныхъ“. Тамъ же, стр. 132. Курсивъ мой.

гослуженіе и веди себя въ алтарѣ самымъ непристойнымъ образомъ. „Не мнѣ же и о семъ болѣваю сердцемъ, пишетъ святитель въ окружномъ посланіи, яко о нѣкихъ попахъ (по достовѣрному доношенію) слышу, что по вчерашнемъ пьянствованіи не протрезвившеся, и похмельемъ одержиміи, ни приуготовльшеся къ служенію, дерзають литургисати, еже людемъ есть на соблазнъ, а самѣмъ таковымъ іереомъ на вѣчную погибель. Друзіи же злонравніи въ церквѣ и святомъ олтарѣ сквернословятъ, матерно бранищеся ¹⁾. а иногда и дерутся“ ²⁾ Разрѣшая въ своей епархіи священство одному іерею, посвященному митрополитомъ Іоасафомъ Лазаревичемъ, Святитель Димитрій находитъ нужнымъ сдѣлать ему между прочимъ такія, очевидно, не лишнія предупрежденія: „во пиршествахъ не упиватися смудо пьянства, и въ корчмы не входитъ, кощунство и смѣхотворенія не дѣяти, ниже пѣнія срамословныхъ пѣсенъ или игръ яковыхъ слушати или смотрѣти“ ³⁾... Эта грубость нравовъ и непристойное поведеніе людей духовнаго чина, между прочимъ, ставится на видъ святителю Димитрію и свѣтскаго властью. Въ своемъ указѣ ему отъ 7 апрѣля 1705 года царь Петръ между прочимъ повелѣваетъ не давать попамъ и діаконамъ „отпускныхъ“ въ другія епархіи и у себя „ни откуду не принимать“, потому что такіе бродячіе пошы совершаютъ тайно литургии и всякія требы въ домахъ, а главное—„живучи въ домахъ („у людей всякаго чина“) праздно безчинствуютъ, упиваются, и сквернословятъ, и многіе не боящися Бога имъ ругаются і бѣють их, и от того в народѣ многое осужденіе і зазрѣніе, **наипаче же от иностранныхъ збѣльное подсмѣяніе, а тѣмъ архіереомъ, которыми они посвѣны, приносятъ великую укоризну“** ⁴⁾...

¹⁾ Тамъ же, стр. 140.

²⁾ Тамъ же, т. III, стр. 288. Ср. т. II, стр. 177.

³⁾ См. у П. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 296—297.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 316. Невольно вспоминается здѣсь подобная, но еще болѣе яркая картина нравовъ русскаго духовенства того времени
Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1919 г. 3

Прибавимъ сюда, наконецъ, нерадѣніе, лѣность, про-
 являющуюся по отношенію даже къ такимъ пастырскимъ обя-
 занностямъ, какъ напутствованіе тяжело больныхъ, когда
 „мнози нерадѣніемъ священниковъ безъ исповѣди и безъ
 причастія Божественныхъ Таинъ“ умирали¹⁾. Съ другой
 стороны, повидимому, было обычно среди священниковъ
 злоупотребленіе своею пастырскою властью по отношенію
 къ таинству покаянія. „Неискусные и злонравные“ между
 ними, по словамъ святителя Димитрія, объявляютъ грѣхи,
 открытые имъ на исповѣди, и обличаютъ ихъ, а при слу-
 чаѣ, „егда бываютъ пьяни, хвастаютъ тщеславно дѣтми
 духовными, рассказывая, кто къ нимъ приходитъ на испо-
 вѣдь; если же за что нибудь разгнѣваются на нихъ, со укор-
 изною поносятъ имъ“, угрожая обличить грѣхи ихъ предъ
 всеми²⁾.

Въ такомъ печальномъ состояніи представляются намъ
 и паства ростовская, вѣрнная Богомъ попечительной му-

изъ Духовнаго Регламента, святая составителемъ его, конечно, съ на-
 туры. „Наблюдать надлежитъ, предписывается здѣсь: не безчинствуютъ
 ли священники и діаконъ, и прочіи церковники, не шумятъ-ли по ули-
 цамъ пьяни, или что горшее, не шумятъ-ли пьяни въ церквахъ, не дѣ-
 лаютъ ли церковнаго молебствія двоегласно, не ссорятся ли помужичью
 на обѣдахъ, не нетязуютъ ли въ гостяхъ подчиванія (а сіе нестерпимое
 беззудіе бываетъ), не храбрствуютъ ли въ бояхъ кулачныхъ, и за тако-
 выя вины жестоко ихъ наказывати. Но и сіе прилежно имъ заповѣдать
 Епископъ должень, чтобъ хранили на себѣ благообразіе, а имянно: чтобъ
 одѣяніе ихъ верхнее хотя убогое, но чистое было и единой черной, а
 не иной краски, не ходилибъ простовласы, не ложилися бы спать по-
 улицамъ, не пилибъ по кабакамъ, не являли бы въ гостяхъ силы и храб-
 рости къ питію, и прочая сямъ подобная: таковая бо неблагообразія по-
 казуютъ ихъ быти ярыжными; а они поставлены пастырами и отцами въ
 народѣ“. См. Духовный Регламентъ: Прибавленіе—„О пресвитерахъ, діа-
 конвахъ и прочихъ причетникахъ“, п. 28.

¹⁾ При этомъ такая ужасная доля выпадала главнымъ образомъ
 людямъ „убогимъ и нищимъ“: именно къ нимъ, по словамъ святителя
 Димитрія, священники „не хотятъ ходити; токмо къ богатымъ ходятъ, а
 убогихъ и нищихъ презираютъ“. Сочиненія Св. Димитрія, ч. I, стр. 109.

²⁾ Тамъ же, стр. 104.

дрости и любви святителя Димитрія, и пастыри ея, во главѣ которыхъ онъ сталъ, чтобы идти впереди ихъ и руководить ими въ общемъ дѣлѣ. Что же сдѣлано было имъ? Можно смѣло сказать, что и все свое время и всѣ силы души своей, за исключеніемъ часовъ религіознаго самоуглубленія, святитель отдалъ горячей заботѣ о своей паствѣ: трудился для нея непрестанно—и самъ лично, и старался всѣми мѣрами и средствами повліять на жалкихъ пастырей своей епархіи, поднять, воспитать ихъ и пробудить въ нихъ пастырскую ревность.

Много времени, труда и силъ требовала отъ митрополита оффиціальная административная дѣятельность его по епархіи, особенно осложнившаяся со времени возобновленія Монастырскаго приказа и часто доставлявшая ему не мало хлопотъ и огорченій ¹⁾. Но эта сторона дѣятельности святителя не такъ цѣнна для насъ, при выясненіи пастырскаго облика его, хотя уже и въ ней видна его неустанная забота и о церковномъ благоустройствѣ своей епархіи, и о различныхъ нуждахъ ея ²⁾. Для насъ интереснѣе чисто пастырская, христіански-воспитательная дѣятельность святителя. И вотъ она выражалась, прежде всего, въ проповѣди его.

Значеніе учительнаго слова пастырей было такъ ясно для него, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ полную неспособность въ этомъ отношеніи священниковъ своей епархіи и всѣ печальные результаты отъ этого. „Той душевный гладъ, гладъ слышанія слова Божія, жалуется онъ, зѣло превозможе въ епархіи нашей, понеже нѣсть сѣятелей духовнаго сѣмене, нѣсть и земли добрыя. Нѣсть, глаголю, учителей,

¹⁾ См. у Н. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 298—324.

²⁾ См., напр., наказъ его монаху Варлааму отъ 6 апр. 1705 г. — въ изслѣдованіи Н. А. Шляпкина, прилож. III. Нельзя не отмѣтить при этомъ высокой нестѣжательности святителя Димитрія, не увеличившаго церковныхъ пошлей въ своей епархіи, не смотря на вопіющую, поразительную бѣдность его архіерейскаго дома. См. тамъ-же, стр. 356—358.

нѣсть и сердце удобныхъ ко пріятію"... „И не вѣмъ, кого первѣе окажати требѣ, сѣятелей ли, или землю? Переевъ ли или сердца человѣческая? Сѣятели не сѣютъ, а земля не приемлетъ; іереи не брегутъ, а людіе заблуждаютъ; іереи не учатъ, а людіе невѣжествуютъ... Отъ обою страну худо: іереи глупы, а людіе неразумны" ¹⁾... Такое положеніе дѣла побуждало святителя тѣмъ съ большею ревностью отнестись къ своей личной обязанности пастырскаго учительства. Уже давно навыкшій въ этомъ, еще въ Малороссіи стяжавшій славу замѣчательнаго проповѣдника ²⁾, святитель Димитрій теперь выступаетъ съ проповѣдью постоянно за богослуженіями и въ Ростовѣ и при своихъ поѣздкахъ по епархіи ³⁾. Это—періодъ, быть можетъ, наиболѣе напряженной проповѣднической дѣятельности его ⁴⁾. Уже почти на порогѣ смерти, 26 октября, совершенно ослабѣвшій, онъ не въ силахъ самъ произнести за литургіей свое поученіе, которое между тѣмъ все же приготовилъ и къ этому дню: „читалъ же тое поученіе, отъ него самаго прежде приготовленное, по тетради единъ изъ пѣвчихъ“, говорится въ старинномъ житіи его. Святитель слушалъ сидя „при царскихъ дверѣхъ“ ⁵⁾. Съ такою ревностью и любовью относился онъ къ дѣлу проповѣди, очевидно, считая его одною изъ первыхъ обязанностей своего служенія. Въ результатѣ мы имѣемъ именно отъ этого ростовскаго періода наибольшее количество проповѣдей святителя.

¹⁾ Соч. т. II, стр. 592—593.

²⁾ Слава эта началась уже въ Черниговской епархіи, гдѣ пребылъ святитель Димитрій около двухъ лѣтъ (съ 23 мая 1675 г. по 11 іюня 1677 г.) въ должности проповѣдника при архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ, непосредственно послѣ рукоположенія въ іеромонаха. См. у проф. Ф. І. Титова: „Св. Димитрій митрополитъ Ростовскій, бывшій ученикъ Кіевской духовной Академіи (1651—1709)“. К. 1909, стр. 8—9.

³⁾ Соч. ч. I, стр. 351

⁴⁾ Н. А. Шляпкинъ, цит. соч., стр. 385.

⁵⁾ Соч. ч. I, стр. 23.

Во всѣхъ ихъ то болѣе, то менѣе ярко выступаетъ предъ нами одна черта, весьма важная именно для характеристики его пастырскаго облика, это—любовь святителя къ людямъ и неизмѣнное стремленіе помочь имъ быть лучшими, помочь и жизни ихъ стать лучшею и болѣе счастливою. Для этого ей нужна та христіанская основа, которой святитель не находилъ въ ней нигдѣ, ни въ одномъ классѣ общества; въ частности же—нужна любовь къ человѣку и особенно къ меньшему брату, къ людямъ низшаго сословія. Это излюбленная тема святителя Димитрія, скорбѣвшаго при видѣ тѣхъ неправдъ, обидъ и утѣсненій всяческихъ, какія причинались людьми высшими простому народу въ его время на каждомъ шагу¹). Возмущаясь и болѣя душою, онъ старается ободрить и утѣшить этихъ несчастныхъ надеждою благъ въ будущей жизни. „О человѣцы, въ послѣднихъ бѣдахъ страждущіи!... Вы есте новые послѣднихъ сихъ времянь мученики... Вамъ сплетаются небесніи вѣнцы, токмо не изнемогайте въ терпѣніи, но взирайте на страданіе Господа своего, большая за ны пострадавшаго... О новые страдальцы, страсготерпцы, мученики! Молю вы и увѣщеваю, не изнемогайте въ терпѣніи“²)... Добрая, лю-

¹) Мы видѣли уже, какими яркими чертами рисуется онъ эту картину. Вотъ еще нѣсколько такихъ же штриховъ. То, что совершается въ отношеніяхъ между высшимъ классомъ и бѣдными крестьянами, святитель сравниваетъ съ пиромъ Иродовымъ. „Смотри, како пиръ совершается немилосердныхъ владѣтелей; но и нынѣ во многихъ господахъ чуть не также, поѣдаютъ и пьютъ кровавые труды человѣческіе, а бѣдныхъ крестьянъ своихъ немилосердно мучатъ; снѣдаютъ то люди Божія вмѣсто хлѣба; господамъ и до пресыщенія всего довольно есть, а крестьянамъ бѣднымъ и укруха худаго хлѣба не стаеетъ. Сіи объядаются, а тіи алчутъ; сіи упиваются, а тіи развѣ водою жажду свою утоляютъ; сіи веселятся, а тіи плачутъ на правехахъ. Таковъ пиръ господскъ. снѣдаютъ люди вмѣсто хлѣба“. Соч. т. II, стр. 488—489. Ср. еще объ отсутствіи любви и милосердія: тамъ-же, стр. 364. За то на страшномъ судѣ картина измѣнится: тамъ же, стр. 22.

²) Соч. т. II, стр. 190—191.

бящая душа пастыря, полная христіанскаго участія къ чело-
вѣку, сказалась здѣсь такъ ясно. Но инымъ онъ и не пред-
ставлялъ себѣ, какъ увидимъ ниже, истиннаго пастыря
церкви: въ такомъ печалованіи о нищихъ и убогихъ, за-
ступленіи обидимыхъ, помощи нуждающимся онъ видѣлъ
прямой долгъ служенія пастырскаго.

Мы отмѣчаемъ указанную черту въ проповѣдяхъ свя-
тителя Димитрія лишь какъ весьма характерную въ его
пастырскомъ обликѣ; но мы не углубляемся въ анализъ
всего содержанія его проповѣднаго слова: то полного благо-
говѣйнаго умиленія въ изображеніи любви Божіей къ чело-
вѣку, особенно тамъ, гдѣ приходилось проповѣднику опи-
сывать страданія за грѣхи человѣческіе Христа Спасителя,—
то проникнутаго строгимъ тономъ обличенія, когда святи-
тель касался явленій современной окружавшей его жизни
(что дѣлалъ онъ очень часто, безбоязненно и нелицемѣрно
подвергая суду закона Христова жизнь всѣхъ классовъ об-
щества, до царя включительно),—то глубоко проникавшаго
въ грѣховную душу человѣка и, изобразивъ всю мерзость
порока, предлагавшаго тотъ путь къ высшему духовному
совершенству, который былъ такъ хорошо извѣстенъ его
собственной святой душѣ. Это слишкомъ большой вопросъ
самъ по себѣ, чтобы разсматривать его детально здѣсь въ
краткой рѣчи. Скажу только, что проповѣдное слово святи-
теля Димитрія всегда было словомъ истиннаго добраго па-
стыря, въ душѣ котораго даже и послѣ грозныхъ обличеній
не могла не звучать, какъ всегда господствовавшая въ ней,
мягкая, нѣжная струна милосердія и всепрощенія, а любовь
его къ людямъ и горячее желаніе помочь имъ въ добрѣ за-
ставляли его приспособлять свое ученое слово къ общему
пониманію: въ ростовскій періодъ проповѣдь святителя Ди-
митрія весьма замѣтно освобождается отъ приѣмовъ схо-
ластики.

Но безъ сомнѣнія и столь ревностная проповѣдническая дѣятельность одного архипастыря была слишкомъ недостаточна для цѣлей христіанскаго вліянія на всю его огромную паству. И это прекрасно сознавалъ самъ святитель. Поэтому онъ старался найти и другіе пути къ уму и сердцу своихъ пасомыхъ. Такъ, въ простомъ народѣ его обширной епархіи не было твердаго знанія и самыхъ элементовъ христіанской вѣры, самыхъ основныхъ истинъ ея. И вотъ, съ цѣлью научить его¹⁾, упростивъ дѣло непосредственныхъ наставниковъ его — пастырей приходскихъ, святитель Димитрій составляетъ родъ катихизиса подъ заглавіемъ: „Вопросы и отвѣты краткіе о вѣрѣ и о прочихъ ко знанію христіанину нужнѣйшихъ“. Символь вѣры и краткое изъясненіе его по членамъ, краткое „сказаніе о святыхъ вселенскихъ соборахъ“, ученіе о Богѣ, единомъ по существу и троичномъ въ лицахъ, объ Иисусѣ Христѣ, объ ангелахъ, о церкви, о заповѣдяхъ закона Божія, о семи таинствахъ и, наконецъ, краткій отдѣлъ „о добродѣтеляхъ“ — таково содержаніе этого катихизиса святителя Димитрія²⁾. Но при этомъ интересно отмѣтить, что въ строго догматическіе тезисы его, излагающіеся въ вопросо-отвѣтной формѣ, по мѣстамъ вкрапливаются подробности чисто мѣстнаго современнаго характера, напр., направленныя противъ старообрядчества³⁾. Уже отсюда можно заключать о пастырскомъ характерѣ побужденій, вызвавшихъ составленіе этого катихизиса святителя Димитрія.

Далѣе. Старообрядчество, широко распространенное по ростовской епархіи и привлекавшее все новыхъ послѣдователей изъ православной паствы митрополита Димитрія⁴⁾—

¹⁾ Проф. Ф. І. Титовъ, цит. соч., стр. 27.

²⁾ См. соч. ч. I, стр. 39—77.

³⁾ См., напр., тамъ-же, стр. 44, 59, 63.

⁴⁾ Толкуя притчу о сѣятелѣ въ приложеніи къ раскольникамъ, онъ говоритъ между прочимъ: „доброе сѣмя слова Божія, еже учить не удалитися отъ святаго Церкви, придержатися же тоя, яко матере, родившей

конечно, не могло не безпокоить его. Со всею пастырскою ревностью старался святитель лѣчить этотъ тяжкій недугъ своей церкви. Для этого въ своихъ проповѣдяхъ за богослуженіями и въ Ростовѣ ¹⁾, и при посѣщеніи другихъ городовъ своей епархіи ²⁾ онъ ставилъ иногда прямою темою своей бесѣды заблужденія раскольниковъ, подвергая ихъ подробному разсмотрѣнію и опроверженію; иногда затрагивалъ этотъ вопросъ и мимоходомъ, въ поученіяхъ на другія темы ³⁾. При этомъ въ своихъ обличеніяхъ тѣхъ, кого считалъ онъ страшнымъ зломъ для церкви, святитель принималъ иногда тонъ грозный и рѣшительный, какъ и вообще дѣйствовалъ съ пастырскою твердостью во всѣхъ случаяхъ, когда представлялась большая опасность чистотѣ вѣры православной въ его паствѣ ⁴⁾. Наконецъ, съ тѣми же пастырскими цѣлями наиболѣе широкаго распространенія правильныхъ христіанскихъ воззрѣній на расколъ, его заблужденія и вредъ для церкви, святитель написалъ и свой знаменитый „Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ“

насъ крещеніемъ святымъ; но птицы бѣсовскія, раскольники, излетѣвши отъ гнѣзда своего Брынскаго, позобоша то сѣмя, научивше многихъ бѣгати Святой Церкви, и гвшатися святынь Божіихъ, лжуице и прельщати простыхъ мужиковъ и бабъ, и глаголюще: уже нынѣ церковь не церковь, поны не поны“. И это „прельщеніе“ простецовъ въ вѣрѣ шло, повидимому, очень успѣшно. „Бѣсовскія птицы“, выведшіяся и расплодившіяся въ гнѣздѣ Брынскихъ лѣсовъ, оттуда разлетаются „во вся грады и вси зобати сѣмена словесе Божія и истреблати ученіе православныя восточныя церкви, и же мало не вся сѣмена отъ всѣхъ сердечныхъ живъ позобоша и истребиша: мало бо въ комъ зреть истинное благочестіе и православная вѣра“. Соч. т. II, стр. 595. Курсивъ мой. См. еще тамъ же, стр. 180.

¹⁾ См. „Поученіе I на воздвиженіе честнаго и животворящаго Креста Господня“ (Соч. т. III) и уже цит. поученіе „Ко прерпростому народу“ (Соч. т. П).

²⁾ Напр., въ Ярославлѣ 19 и 23 ноября 1708 года. См. соч. ч. I, стр. 351. Поученіе о четвероконечномъ крестѣ, сказанное 23 ноября, см. въ соч. т. II, стр. 491—505.

³⁾ См., напр., соч. т. II, стр. 173—174. 180.

⁴⁾ См. примѣръ, приведенный въ анонимномъ изслѣдованіи „Святый Димитрій, митрополитъ Ростовскій“. М. 1849, стр. 70

Что это такъ, ясно видно изъ предисловія къ этому капитальному труду. „Краткую сію книжицу, говоритъ здѣсь святитель, *по должности моей* написахъ: находящимъ бо волкомъ на стадо, не подобаетъ пастырю сномъ одержиму быти. Должность архіерейская не молчати, но защищати честь таинства повелѣваетъ... Не долѣветъ нашему смиренію къ вамъ, о возлюбленніи, самыми токмо устными словесы бесѣду простирати, но и *писаніемъ полезная бесѣдовати подобаетъ*... Яже убо усты глаголю и ихже вы поучаю, то судихъ и писанію предати и въ епархію послати“ ¹⁾. И онъ успѣлъ сдѣлать это: оконченный въ первой половинѣ 1709 года ²⁾ „Розыскъ“ былъ разсланъ въ спискахъ по епархіи ³⁾.

Но еще задолго до начала этого труда, побуждаемый все тѣми же пастырскими заботами о возможномъ расширеніи христіански-воспитательныхъ средствъ среди своей епархіи, святитель Димитрій задумалъ составить въ краткихъ и понятныхъ для простаго народа чертахъ изложеніе главнѣйшихъ фактовъ исторіи—библейской и всеобщей. Къ тому побуждало его крайнее невѣжество не только народа русскаго, но и людей духовнаго чина, среди котораго „рѣдко кто... вѣдаетъ порядокъ исторій библійныхъ, что когда происходило“ ⁴⁾. Тому способствовали между прочимъ дороговизна и малая распространенность Библии. Имѣя все это въ виду, святитель Димитрій со свойственнымъ ему увлеченіемъ, окрылявшимъ его мысль и побѣждавшимъ и самыя немощи физическія, начиная съ 1707 года, работаетъ надъ своимъ „Лѣтописцемъ“. Сочиненіе, задуманное „книжицею не зѣло великою и умѣренною, чтобы могъ всякъ

¹⁾ См. у И. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 447. Курсивъ мой.

²⁾ По изслѣдованію И. А. Шляпкина - въ мартѣ мѣсяцѣ. Цит. соч., стр. 445. Ср. у пр. Ф. І. Титова, цит. соч., стр. 33.

³⁾ См. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, М. 1849, стр. 76.

⁴⁾ Невѣжество это доходило до поразительной степени. См. соч. св. Димитрія ч. I, стр. 340.

недорого купить“¹⁾, скоро разрослось до обширныхъ размѣровъ и не могло быть закончено авторомъ, уже при началѣ его слабѣвшимъ силами. Обширности его способствовали самый характеръ этого труда—не столько историческаго, сколько нравственно-воспитательнаго, что вполне попятно при чисто пастырскихъ побужденіяхъ, руководившихъ авторомъ. „Намѣреніе наше, писалъ онъ объ этомъ отцу Ѳеодору Поликарпову (8 ноября 1708 г.), не толико въ исторіяхъ углублятися, елико въ *нравоученія* и *толкованія* *святаго Писанія* поучатися. И аще быхъ писалъ чиномъ исторіографскимъ, то уже бы совершилъ начатое... *Моему сану* (его же нѣсмь достойнъ) *надлежитъ слово Божіе проповѣдати, не точію языкомъ, но и пишуущею рукою. То мое дѣло, то мое званіе, то моя должность.* Пишу убо Господу споспѣшествующу, *нравоученія*, мѣстами же *толкованіе* Писанія Святаго, елика могу немощный: а исторіи, яже въ Библиихъ, *токмо вкратцѣ, вмѣсто вѣлы* полагаю, и отъ тѣхъ аки отъ источниковъ *струи нравоученія* произвожду“²⁾. Откуда—та сборность и пестрота содержанія „Лѣтописца“, въ которой какъ бы оправдывался святитель предъ своимъ другомъ митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ, которому посылалъ отдѣльныя части „Лѣтописца“ на просмотръ. „Мнѣю же, мало кому понравится сей мой трудъ, пишетъ онъ, понеже въ немъ, какъ въ збитню русскомъ, мѣшанина: и исторія, и будто толкованіице нѣкое... изрѣдка мѣстами, и индѣ *нравоученіице*“³⁾... Однако опасенія скромнаго автора были напрасны: именно такой характеръ сочиненія, подсказанный святителю его горячею любовью къ народу, знаніемъ духовныхъ нуждъ его и пастырскою заботою объ удовлетвореніи ихъ, и былъ причиною особенной популярности этого

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тамъ-же, стр. 348. Курсивъ мой.

³⁾ Тамъ-же, стр. 341. Письмо отъ 11 декабря 1707 года.

труда св. Димитрія. „Лѣтописецъ“ проникнуть тѣмъ же духомъ, что и проповѣди святителя. Въ немъ такъ же болѣетъ своею любящею душею великій архипастырь о нравственныхъ недугахъ своихъ пасомыхъ, такъ же, тѣми же чертами изображаетъ всѣ эти „грабленія, хищенія, озлобленія неповинныхъ, кривосудства, немилосердства“; гордость, развратъ и т. д. Тотъ же и тонъ обличенія ихъ. Но есть здѣсь и много другихъ темъ самаго разнообразнаго характера, полезныхъ въ обиходѣ русскаго человѣка того времени; есть и мѣста, исполненные глубокаго лиризма. Не удивительно, что сочиненіе это, напоминающее по своему духу и по внѣшнимъ пріемамъ изложенія и древне-русскаго „пчелы“, и старую русскую лѣтопись, пришлось особенно по душѣ русскому человѣку: въ такомъ большомъ количествѣ списковъ, какъ „Лѣтописецъ“, не дошло до насъ ни одно изъ произведеній св. Димитрія ¹⁾.

Такъ трудился надъ своимъ великимъ дѣломъ насажденія свѣтлаго царства Христова въ окружавшемъ его царствѣ мрака духовнаго святитель Димитрій самъ лично. Отъ него, какъ отъ яркаго свѣтильника, поставленнаго высоко на свѣцникѣ обширной ростовской паствы; исходили обильные лучи духовнаго христіанскаго свѣта. Концентрируясь въ Ростовѣ, они расходились оттуда струями по всей его епархіи и могли бы озарять даже отдаленнѣйшіе уголки въ ней, если бы были для того необходимыя благопріятныя условія. Однако этого именно и не было. Нужны были для этого достаточные надежные проводники свѣта ученія Христова въ массы народа, а ихъ то и не нашелъ святитель Димитрій въ ростовской епархіи. Мы уже видѣли, что представляли подначальные ему люди духовнаго чина, призванные быть сотрудниками его. Что могли сдѣлать эти убогіе, невѣжественные пастыри? А между тѣмъ, безъ нихъ что

¹⁾ И. А. Шляпкинъ, цит. соч., стр. 425—430.

могъ сдѣлать архипастырь ихъ одинъ, дѣйствуя только самъ лично? И такъ, въ томъ же пастырскомъ дѣлѣ сама собою выдвигалась предъ святителемъ неизбѣжная задача огромной важности и вмѣстѣ съ тѣмъ трудности—*воспитать самихъ пастырей* своей епархіи: не только дать имъ въ руки удобныя для ихъ дѣла средства и пособія, но по возможности довести и ихъ самихъ до той степени развитія, когда они были бы и способны пользоваться этими средствами и желали сдѣлать это. Могъ ли такой архипастырь, какъ святитель Димитрій, съ его умомъ, образованіемъ и горячею пастырскою ревностью, не увидѣть этой задачи предъ собою? Онъ сразу и понялъ ее и принялся всѣми мѣрами выполнять ее.

Корень всему этому пастырскому нестроению въ его епархіи—неподготовленность, „неученость“ пастырей. И такъ, нужно и лѣчить недугъ въ самомъ корнѣ его. Для этого, конечно, нужны школы, которыя давали бы хоть элементарное образованіе будущимъ пастырямъ. Такъ именно и смотритъ на дѣло святитель Димитрій. 1 марта 1702 года онъ прибылъ въ Ростовъ, а 1 сентября уже открылись занятія въ учрежденной имъ школѣ для кандидатовъ священства ¹⁾. Такъ глубоко сознавалъ онъ нужду въ „наученіи книжномъ“ будущихъ пастырей и съ такою горячею энергіей сразу же, едва вступивъ въ управленіе ростовскою епархіей, принялся за посильное удовлетвореніе ея своими личными стараніями ²⁾.

¹⁾ См. у И. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 329.

²⁾ О прямой цѣли, какую имѣлъ въ виду при этомъ святитель Димитрій, въ старинномъ житіи его такъ говорится: „святый Димитрій, дабы дѣти священно и церковно служительскіе не были такожде невѣждами, какъ и отцы ихъ, и егда вмѣсто отцевъ своихъ сподобятся священническаго или діаконскаго сана, разумѣли бы силу чтомага ими Божественнаго писанія и умѣли бы въ церкви поучати народъ, не токмо книжнымъ чтеніемъ, но и наизустнымъ слова Божія сказываніемъ, за-

Открытая близъ архіерейскаго дома въ ростовскомъ кремлѣ школа эта предназначалась главнымъ образомъ для дѣтей священниковъ епархіи. Послѣдніе *должны были* отправлять сюда своихъ дѣтей для „безденежнаго“¹⁾ обученія, о чемъ дѣлались спеціальныя указы поповскимъ старостамъ. Но были ученики и изъ другихъ сословій, и школа отнюдь не была узко-сословною²⁾. Та интересная картина обученія и нѣкоторыхъ школьныхъ обычаевъ и порядковъ здѣсь, какую изображаетъ въ своемъ изслѣдованіи проф. И. А. Шлякинъ, даетъ основаніе предполагать, что святитель Димитрій пересадилъ въ Ростовъ многое изъ той школы, какую прошелъ самъ въ отроческіе годы,—изъ нашей древней кievской коллегіи. Однако самый духъ школы—тѣ простыя семейныя отношенія, какія царили здѣсь, при „полномъ отсутствіи служебной формальности и іезуитизма“, эта характерная черта внутренней жизни школы святителя Димитрія, такъ пріятно поражающая насъ, носитъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ личности самого основателя ея. Вѣдь и сюда онъ вложилъ прекрасную душу свою—свою любовь, свой умъ и свою кипучую энергію. Ростовская школа—это было его созданіе, его родное дѣтище, осуществленіе его дорогой мечты. Естественно поэтому, что ея развитіе и преуспѣваніе были предметомъ самой горячей заботы для святителя Димитрія. Онъ вникалъ, повидимому, во всѣ стороны ея жизни.

Такъ, онъ внимательно слѣдилъ за учебною частью въ школѣ: „часто посѣщая оныя училища, самъ учениковъ слушалъ и въ успѣхахъ пробовалъ“. Мало того,—онъ самъ принималъ близкое участіе въ дѣлѣ преподаванія: „за отбы-

велъ въ Ростовѣ семинарію“... Соч. ч. I, стр. 14. О томъ же и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится и въ окружномъ посланіи святителя Димитрія. Соч. ч. I, стр. 141.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ И. А. Шлякинъ, цит. соч., стр. 329—330.

тіемъ учителей оную должность на себя воспріималъ“; образовалъ группу изъ болѣе способныхъ учениковъ и занимался съ ними „въ свободные отъ дѣлъ церковныхъ часовъ“ толкованіемъ Священнаго Писанія, причемъ лѣтомъ занятія эти переносились въ село Демьяны, гдѣ въ это время обыкновенно жилъ святитель ¹⁾. Онъ же хлопочетъ о пріобрѣтеніи книгъ для своей школы ²⁾; внушаетъ наставникамъ учить тщательно; о болѣе прилежныхъ ученикахъ ведетъ докладывать ему; награждаетъ ихъ деньгами и другими подарками, а на лѣтнія вакаціи беретъ къ себѣ въ село ³⁾. Съ чисто отеческою заботою относится онъ и къ учителямъ ⁴⁾. Воспитательная часть школы, особенно вслѣдствіе коренной цѣли ея—служить разсадникомъ будущихъ пастырей церкви, конечно, не могла не интересовать основателя ея. Религіозно-нравственное воспитаніе учениковъ ея—предметъ особенной заботы святителя Димитрія. Во время личныхъ посѣщеній семинаріи онъ самъ наставляетъ учениковъ въ добромъ поведеніи ⁵⁾. Онъ же устанавливаетъ, чтобы въ воскресные и праздничные дни питомцы его школы непременно бывали въ соборной церкви на богослуженіи—за всенощнымъ бдѣніемъ и литургією, причемъ, повидимому, самъ строго слѣдилъ и за аккуратностью посѣщенія богослуженій учениками и за тѣмъ, чтобы они „со страхомъ въ храмѣ стояли, внимая поемому и чтятому“. Во время постовъ онъ самъ исповѣдывалъ и пріобщалъ ихъ святыхъ Таинъ. Самъ проникнутый до глубины души вѣ-

¹⁾ Соч. ч. I, стр. 14. Можетъ быть, и въ Шестаково и въ Капцы. См. Яросл. Еп. Вѣд. 1863 г. № 35, стр. 347.

²⁾ Н. А. Шляпкинъ, цит. соч., стр. 337.

³⁾ Яросл. Еп. Вѣд. 1863 г. № 25, стр. 243—244 и № 35, стр. 347. Забота святителя объ ученикахъ своей школы сопровождала ихъ и по выходу изъ нея. См. тамъ же № 26, стр. 252—253.

⁴⁾ Н. А. Шляпкинъ, цит. соч., стр. 350—351.

⁵⁾ Соч. ч. I, стр. 20. Яросл. Еп. Вѣд. 1863 г., № 25, стр. 244.

рою въ Бога и любовью къ Нему, онъ вносилъ эту благодатную религіозную струю и въ свою школу. Такъ, будучи боленъ, онъ посылаетъ въ семинарію и велитъ ученикамъ читать молитву Господню „по пяти кратъ“—„на воспоминаіе пяти язвъ Христовыхъ“. „И тогда бывало ему отраднѣ“, говорится въ житіи его ¹⁾. Дурное поведеніе учениковъ доставляетъ ему глубокое огорченіе. „Печалюсь зѣло и гнѣваюсь на васъ, пишетъ онъ имъ по поводу дошедшихъ до него слуховъ объ этомъ и грозитъ поставить имъ такого строгаго „сенѣора“, который станетъ примѣнять къ нимъ и послѣднюю мѣру наказанія—плетку ²⁾. Строгость по тому времени вполнѣ обычная, самый же тонъ письма святителя лучше всего свидѣтельствуешь объ искреннемъ отеческомъ отношеніи его къ своимъ питомцамъ, чуждомъ и тѣни сухого черстваго формализма. Въ школѣ, въ общемъ, примѣнялась дисциплина мягкая; ученикамъ предоставлено было много свободы; часы досуга заполнялись разумными удовольствіями, среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимали театральныя представленія. И здѣсь сказана свѣтлая, богато одаренная личность святителя Димитрія. И къ театру своей школы онъ относился съ большимъ интересомъ: самъ писалъ для него религіозныя драматическія пьесы и, вѣроятно, корректировалъ написанныя учителями школы. Изъ литературныхъ произведеній этого рода, принадлежащихъ святителю Димитрію, мы видимъ, что душѣ его была присуща и поэтическая струя; общій же тонъ ихъ одинаковъ со всѣми произведеніями его:—это все та же любовь къ человѣку, особенно къ низшему брату и милосердіе къ грѣшнику ³⁾.

¹⁾ Соч. ч. I, стр. 14 и 20.

²⁾ И. А. Шляпкинъ, цит. соч., стр. 350.

³⁾ См. въ изслѣдованіи проф. Н. И. Петрова: „Кіевская искусственная литература XVII и XVIII вв., преимущественно драматическая“. Труды К. Д. А. 1909 г. октябрь. Весьма характерною представляется и такая маленькая подробность въ этомъ, повидимому, весьма близкомъ уча-

Но питомникъ, насажденный и взлелѣянный столь заботливою рукою, существовалъ недолго. Монастырскій приказъ мало заботился о поддержаніи школьнаго дѣла и помимо того—обрушился на церковныя имущества такими непомѣрными сборами на военныя нужды того времени, что привелъ многія архіерейскія кафедръ къ крайнему обнищанію. Вотъ что писалъ святитель Димитрій Іову Новгородскому 10 декабря 1706 года: „попущеніемъ Божиимъ сотворшаяся дому архіерейскому скудость и оставишася ученія, понеже вознегодоваша питающіи насъ, аки бы многая исходить на учителя и ученики издержка и уже вся та, чѣмъ дому архіерейскому питатися, отъ насъ отнята суть... Оскудѣвшіе убо во всемъ, оскудѣхомъ и во ученіи“¹⁾. Такъ, это прекрасное дѣло святителя Димитрія должно было прекратиться: въ 1706 году съ осени школа ростовская уже не открывала своихъ занятій

Изякъ источникъ образованія для кандидатовъ священства, но не иззякла пастырская энергія святителя Димитрія. На его рукахъ была огромная ростовская паства, а во главѣ ея невѣжественные и недѣятельные пастыри. И вотъ, святитель стремится всѣми мѣрами вліять на этихъ послѣднихъ. Для этого помимо личныхъ устныхъ наставленій,—когда представлялся къ тому случай²⁾,—онъ пишетъ нарочитыя окружныя посланія духовенству своей епархіи по поводу тѣхъ или другихъ недостатковъ его. Съ содержаніемъ двухъ такихъ посланій его, сохранившихся до насъ,—1) по поводу злоупотребленія священниковъ таинствомъ

стин святителя Димитрія къ театру своей школы. Для костюмовъ дѣйствующихъ лицъ (вѣроятно, въ „Рождественской драмѣ“, представленной 24 дек. 1702 г.) онъ разрѣшилъ употребить старыя ризы прежнихъ архіереевъ, что послужило поводомъ для жалобы на него царю Петру со стороны нерасположеннаго къ нему стольника Воейкова и отвѣтнаго царскаго указа. См у И. А. Шляпкина, цит. соч., стр. 359—360.

¹⁾ И. А. Шляпкинь, стр. 338—339.

²⁾ Пр. Ф. І. Титовъ, цит. соч., стр. 29.

покаянія и 2) неблагоговѣйнаго отношенія ихъ къ Тайнамъ Христовымъ—мы уже отчасти знакомы. Указывая на эти тяжкіе грѣхи пастырей своей епархіи, святитель раскрываетъ всю отвѣтственность ихъ предъ Богомъ и старается подѣйствовать на нихъ всѣми мѣрами—обличеніемъ, разумленіемъ, увѣщаніемъ. Онъ то грозитъ имъ гнѣвомъ и судомъ Божиимъ, а также и своимъ наказаніемъ¹⁾, то горько скорбитъ о нихъ своимъ сердцемъ²⁾, то кротко умоляетъ ихъ³⁾. Душа пастыря любящаго, но и строго блюдущаго свой долгъ, сказалась здѣсь вполнѣ. При этомъ печальныя явленія, вызвавшія пастырскія посланія святителя Димитрія, подвергаются имъ подробному разсмотрѣнію и уясненію, съ наставленіями, широко затрагивающими не только эти, но попутно и нѣкоторые другіе вопросы пастырскаго служенія.

Такъ, относительно таинства покаянія святитель подробно и со всею убѣдительностію уясняетъ, „что есть тайна исповѣди“, почему пастырь не имѣетъ права открывать

¹⁾ Такъ, священника, открывающаго грѣхи, повѣданные ему на исповѣди, святитель Димитрій называетъ „Богонепротивникомъ, разорителемъ тайны Божія, насильникомъ печати Святаго Духа“ и говоритъ, что „такой... страшному суду Божию и вѣчной казни подпадаетъ, и ждетъ его вѣчная мука со Іудою предателемъ Христовымъ... Такой духовникъ не духовникъ, но Іуда, Христовъ предатель, паче же рещи, самъ сатана, клеветникъ братіи нашея“... „Такой имать подъяти *отъ насъ* судъ и наказаніе грозное, яко непокорный Богу и нашему архіерейскому увѣщанію противецъ“. Соч. ч. I, стр. 106—107. 109. „О безстрашія и небреженія, говоритъ онъ о священникахъ, служившихъ литургію безъ Службника:—о пагубы ихъ вѣчныя! Коль велие есть долготерпѣніе Божіе, яко не падеть огонь съ высоты на таковыя попы и не сожжетъ я живы на тѣхъ-же мѣстѣхъ, идѣже тако литургисають“... Тамъ же, стр. 139.

²⁾ „И возболѣзновахъ о томъ сердцемъ попремному“... „Не миѣ же и о семъ болѣзную сердцемъ“... Тамъ-же, стр. 131 и 140. См. еще стр. 104, 130 и др.

³⁾ „Сія вамъ предлагаю, о іереи, молю вы увѣщавая и увѣщавая моля, да престанете такового безумнаго злоуравія и пагубныя дерзости“... „Примите убо сія съ любовію“... Тамъ же, стр. 108 и 141.

ее, какъ долженъ онъ относиться къ ней и къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ несоблюденіе этой тайны для самого духовника и для исповѣдывающихся у него ¹⁾. Здѣсь же, далѣе, по поводу нерадѣнія пастырей о напутствованіи больныхъ и особенно „людей нищихъ и убогихъ“, святитель „заповѣдію Бога нашего заповѣдуетъ іереомъ, да всачески пекутся о спасеніи душъ человѣческихъ, во дни и въ нощи, не презирающе убогихъ и нищихъ, но равно яко же о богатыхъ, тако и о тѣхъ радяще“ ²⁾.

Въ другомъ посланіи онъ даетъ подробныя наставленія пастырямъ касательно не только благоговѣйнаго отношенія къ св. Тайнамъ Христовымъ и храненія ихъ, но и всѣхъ сторонъ приготовленія къ таинству причащенія, также о хлѣбѣ и винѣ для него, о настроеніи при совершеніи его и послѣ него, о благоговѣйномъ отношеніи къ храму, содержаніи его въ чистотѣ и т. п. Здѣсь же опять внушается пастырямъ, какъ основной долгъ служенія ихъ, необходимость непрестаннаго попеченія ихъ о спасеніи вѣрннхъ имъ: „о спасеніи душъ человѣческихъ, пишетъ святитель, *всѣми видами во дни и въ нощи* іерей пещися долженъ, яко же и о своей душѣ; дабы его небреженіемъ не погибли словесныя овцы Христовы, за няже ему отвѣтъ Христу Богу дати въ день судный“ ³⁾. Поэтому онъ долженъ „по вся воскресные и праздничные дни“ поучать народъ „въ церкви отъ святыхъ книгъ, прилагая и *отъ своего разума* словеса полезная, елико будетъ возможно“. А чтобы это послѣднее—наученіе народа „не точію книжнымъ чтеніемъ, но и наизустнымъ слова Божія сказаніемъ“—дѣйствительно стало возможнымъ, святитель здѣсь же убѣждаетъ священниковъ своей епархіи заботиться о надлежа-

¹⁾ Тамъ-же, стр. 104—108.

²⁾ Тамъ-же, стр. 109—110

³⁾ Тамъ-же, стр. 140. Курсивъ мой.

щемъ образованіи своихъ дѣтей: учить ихъ „грамотѣ грамотѣ“ и отправлять „въ училища грамматическія въ Ростовъ“. Но тѣ „препростіи, безкнижные“ люди, изъ которыхъ состояло огромное большинство ростовской паствы святителя Димитрія, нуждались и въ самомъ элементарномъ религіозномъ обученіи: они не знали даже главнѣйшихъ самыхъ простыхъ молитвъ. И вотъ, святитель вмѣняетъ въ обязанность священникамъ научить народъ, „да умѣютъ молитву Іисусову, Царю Небесный, Трисвятое, Отче нашъ, Вѣрую во единого Бога, Богородице Дѣво, Достойно“ (малоспособные хотя бы три молитвы: „Іисусову, да Отче Нашъ, да Богородице Дѣво“), причемъ имъ рекомендуется и простой способъ для этого: „іерей по вся воскресные и праздничные дни, по совершеніи святаго литургій и по прочтеніи книжнаго поученія, да повелить всему простому народу, въ церкви обрѣтающемуся, мужемъ и женамъ и дѣтемъ, яко да по немъ вси аки едиными усты глаголютъ, онъ же да начинаетъ, сказуя по единой точцѣ, наченъ отъ молитвы Іисусовы“...¹⁾).

Но кромѣ этихъ нарочитыхъ архипастырскихъ посланій своихъ, святитель Димитрій не разъ останавливается на вопросѣ о пастырскомъ служеніи и въ своихъ проповѣдяхъ. Здѣсь мы находимъ ясно очерченный идеаль „пастыря добраго“ и прежде всего—архипастыря, какъ призваннаго осуществлять этотъ идеаль наиболѣе, по преимуществу, итти впереди всѣхъ пастырей своихъ. Вотъ основныя черты этого идеала, какъ напечатлѣлся онъ въ душѣ самого святителя Димитрія.

¹⁾ Тамъ-же, стр. 140—141. Побуждаемый тѣмъ же долгомъ непрестаннаго попеченія о спасеніи вѣранныхъ ему душъ, священникъ, по наставленію святителя Димитрія, обязанъ учить и располагать народъ къ частому покаянію и причащенію св. Таинъ,—что особенно обязательнымъ считаетъ святитель для семьи самого священника—для его жены, дѣтей и всѣхъ домашнихъ. Тамъ-же, стр. 135.

„Не можетъ кто добрымъ пастыремъ быти, говоритъ онъ, прежде, даже не сотворится первѣе самъ доброю овцею Христовою“, потому что и Христосъ „отъ агнчества взыде на пастырство“. Итакъ, истинному пастырскому служенію должна предшествовать работа надъ собственною душою, направленная къ тому, чтобы сначала себя сдѣлать „доброю овцею Христовою“, и работа эта, по ученію святителя Димитрія, должна начинаться съ юности: „велико и преславно есть сіе дѣло, еже въ юности приидѣшится Богу, то бо всего добродѣтельнаго житія бываетъ твердое основаніе“¹⁾. Нужно ли говорить, какою строгою убѣдительностью должно было звучать это требованіе въ устахъ святителя Димитрія, съ юныхъ лѣтъ отдавашаго на служеніе Богу всѣ силы души своей! Засимъ, слѣдуя евангельской притчѣ Христовой, „добрый пастырь“ характеризуется у него тремя чертами.

Первая—„аще двѣрми во дворъ овчій вниде, а не инудѣ прейде“. Что это значить? „Іераршества санъ“ долженъ быть получаемъ „по благоволенію самого Христа“. Кто же не „по изволенію Христову, но по мздѣ и помощію мирскихъ властей дарами удобренныхъ и коимъ либо коварствомъ святительства санъ пріемлетъ, той тать есть и разбойникъ, а не пастырь: тать, ибо крадетъ тайнокупствомъ санъ святительскій; разбойникъ, ибо грабитъ овцы своя, да обогатится; не пастырь, ибо не овцы пасетъ, но себѣ самаго питаетъ, да утѣетъ и отолстѣетъ“²⁾. И такихъ примѣровъ,—„лицъ, иже властолюбіемъ и славолюбіемъ побѣждаемы, сами власти себѣ ищутъ... не по жребію, отъ рукъ Божіихъ пріемлемому, но по взыскуемой, паче же по купуемой у человекѣвъ благодати“³⁾,—такихъ примѣровъ, нужно

¹⁾ Соч. т. III, стр. 68—70.

²⁾ Тамъ-же, стр. 74.

³⁾ Соч. т. III, стр. 338—339.

думать, въ то время среди архипастырей было достаточно потому что къ этому печальному явленію съ великою укоризною возвращается святитель не разъ въ своихъ поученіяхъ¹⁾).

Другая евангельская черта пастыря добраго— „еже предъ овцами, а не позадь овецъ ходити“, т. е. „первѣйшу ему быти во всѣхъ добродѣтеляхъ... яко да будетъ онъ образъ овцамъ, а не овцы ему“... Стыдно пастырю, если „овцы его предваряють въ подвижѣхъ и Богоугожденіяхъ“. И святитель рисуетъ яркую картину такого обратнаго порядка нравственной жизни пастыря и пасомыхъ, опять очевидно снятую съ натуры²⁾. Это требованіе отъ архипастыря образцовой добродѣтельной жизни, нравственнаго совершенства, святитель Димитрій ставилъ особенно высоко. „Не добро есть архіерею, говоритъ онъ, не имѣти во устахъ слова; учителю нарицатися, а не учити... горше же есть не имѣти архіерееви житія добраго, на неже бы взирали людіе и пользовалися. Много можетъ пользовати учительное, отъ устъ архіереевыхъ исходящее слово, но множае житіе доброе всѣхъ пользовати сильно: гласнѣйшій бо есть гласъ дѣла, неже гласъ слова“³⁾.

¹⁾ „Посмотри... на чинъ превысочайшій духовный, говоритъ онъ: вопросилъ бы кого (аще бы сказалъ правду): коимъ намѣреніемъ и желаніемъ пришелъ еси въ высоту пречестнѣйшаго сего духовнаго сана?.. Понстинѣ нашелся бы не единъ, иже не толь славы ради и чести Божія, яко же прославленія ради своего и чести ради въ той саль приде, не толь людемъ пользы, елико себѣ ища корысти. Не приде послужити спасенію душъ человѣческихъ, но да служатъ его власти вси подначальныи: не приде быти отецъ и пастырь, но господинъ и владыка“... Соч. т. II, стр. 183.

²⁾ „Будеть кто отъ овецъ бодръ, а пастырь лѣнивъ: овца постыдится, а пастырь развѣшеніями на вся учреждается: овца угождаетъ Богу, а пастырь суетнымъ угождаетъ, челоукомъ или своему чреву: овца проходитъ путь тѣсенъ и прискорбенъ, а пастырь путемъ пространымъ шествуетъ: таковъ пастырь не предъ овцами ходитъ, но овцы предъ нимъ идутъ и предваряють его въ небесное царство“... Соч. т. III, стр. 75.

³⁾ Соч. т. III, стр. 342. Изъ частныхъ чертъ высокаго нравственнаго облика пастыря добраго святитель отмѣчаетъ смиреніе и нелицепріят-

„Третіе знаменіе добраго пастыря есть еже душу свою за врученныя себѣ овцы полагати“. Къ этому евангельскому требованію святитель Димитрій дѣлаетъ такое, повидимому простое, но въ дѣйствительности очень характерное добавленіе: „аще пастыреви повелѣвается души своей не щадѣти овецъ ради, кольми паче подобаеть ему имѣнія своего не жалѣти, но въ милостыню истоцати овцамъ нищимъ и убогимъ, сирымъ и вдовицамъ, больнымъ и страннымъ“¹⁾. Черта характерная, какъ вполнѣ отвѣчавшая — такъ-же, впрочемъ, какъ и всѣ другія—пастырскому облику самого святителя Димитрія, и его убѣжденіямъ и его дѣятельности. Поэтому онъ съ особенною настойчивостію и убѣдительностію развиваеть ее и въ другихъ мѣстахъ своихъ поученій. „Санъ святительства отъ Господа на земли учиненъ есть, говоритъ онъ, не ради упокоенія и прохлады, но да множайшія труды святитель подъемлетъ выну, о всѣхъ спасенія пекийся; не собираія ради богатствъ, но да питаеть алчущія, одѣваетъ наготствующія; *имѣнія бо церковная суть имѣнія нищихъ*“²⁾.

Въ своемъ изображеніи идеальнаго архипастыря святитель Димитрій проводитъ прекрасное, взятое изъ св. Писанія, сравненіе его съ небесными свѣтилами. „Свѣтила небесныя, говоритъ онъ, на высотѣ безмѣрной Божіимъ устроеніемъ поставленная, далече отъ земли отстоятъ: и архіереи

вую защиту истины Христовой. „Не того ради быти архіерею, говоритъ онъ, еже величатися, еже напыщатися, сущу отъ всѣхъ почитаему; но да всѣми виды смиренія Христова образъ на себѣ являетъ нелицемѣрно; да будетъ же поборникъ истинѣ, ни обинуясь, ни на лица зряи, всегда готовъ душу свою положить по Христѣ и по Христовѣй церкви“. „памятуя, что въ апостольскія времена „епископству послѣдоваше мученичество“: епископство часто соѣдинялось съ мученичествомъ за вѣру. Тамъ же, стр. 340.

¹⁾ Тамъ же, стр. 75—76.

²⁾ Тамъ же, стр. 340. Курсивъ мой. См. буквально то же и въ другомъ поученіи его: тамъ же, стр. 544.

въ церковномъ небѣ не низкое содержатъ мѣсто, но превысочайшее, суще образъ Сына Божія“... „Свѣтила горняя“— это какъ бы глаза на небѣ, „на всѣхъ призирающія, на благія и злыя равнѣ сіяющія; и архіереи суть яко очеса церковная, бодренно и неусыпно на вѣренное имъ смотрящія стадо, и всѣхъ нужду и немощи зрящія, и о всѣхъ спасеніи пекущіяся равно, якоже о благихъ, сице и о злыхъ“... Подобно свѣтиламъ небеснымъ, непрестанно совершающимъ свое „непостижное теченіе“ по установленнымъ для нихъ законамъ, „и пастыри церковніи долженствуютъ въ званіи своемъ, трудящися непрестанно ниже совратно, теци въ предложенный имъ закона Божія путь“. Наконецъ, какъ „свѣтила небесная земнымъ жителемъ свѣтятъ и согрѣвають я“, такъ „и архіереевъ должность есть свѣтити всѣмъ добрыми дѣлы своими, согрѣвати же любовію“¹⁾.

Такими высокими чертами изображаетъ святитель Димитрій служеніе пастырское, къ которому призванъ прежде всего архипастырь, этотъ намѣстникъ въ церкви самого Христа и глава пастырей. Такія высокія евангельскія требованія предъявлялъ онъ поэтому прежде всего къ себѣ самому и, восхваляя, какъ образецъ пастыря добраго, св. Тихона, епископа Амаунскаго, и св. Гурія, архіепископа Казанскаго, онъ изображалъ то, что глубоко было напечатлѣно въ его собственной душѣ. Но начертанный здѣсь высокій евангельскій идеаль пастыря, по мысли святителя Димитрія, долженъ быть путеводною звѣздою не для тѣхъ только, которые занимаютъ въ церкви мѣсто „превысочайшее“: онъ одинъ и тотъ же—и по характеру служенія, и по существеннымъ обязанностямъ его—какъ для самаго главы пастырей, такъ и для cadaго изъ нихъ. Что это такъ, особенно ясно изъ спеціальнаго слова святителя „О пастырствѣ духовныхъ пастырей“, гдѣ въ своемъ анализѣ пастыр-

¹⁾ Тамъ же, стр. 335—336.

скаго служенія онъ имѣетъ въ виду пастыря вообще, обращается ко всѣмъ, „имъ же паства словесныхъ овецъ отъ Бога ввѣрися,—архіереи и іереи, и прочіи духовнаго чина начальники, душъ человѣческихъ пастыри и правители“¹⁾. Это слово святителя Димитрія—классическое въ русской пасторологической литературѣ того времени. Какъ написанное съ спеціальною цѣлью выяснитъ, „какову словесныхъ овецъ пастырю быти подобаетъ“²⁾, слѣдовательно—заключающее въ себѣ пастырскія воззрѣнія святителя Димитрія въ наиболѣе цѣльномъ видѣ, слово это заслуживаетъ нашего особаго вниманія, и потому я не могу не остановиться на немъ подробнѣе.

Дѣло пастырства „не точію труда, но и искусства велика требуетъ“. Если о пастухѣ бесловесныхъ животныхъ Іаковѣ говорится, что онъ „бысть во дни жегомъ зноемъ, въ нощи студенію померзая, ниже дая сна очима своима“, то какикъ же трудовъ требуетъ дѣло пастыря человѣческихъ душъ, искупленныхъ кровію Сына Божія! Здѣсь пастыря ожидаютъ и трудъ несравненно большій и искусство неизмѣримо великое. Вотъ основное положеніе, изъ котораго исходитъ святитель Димитрій, рѣшая вопросъ: каковъ долженъ быть „словесныхъ овецъ пастырь“? И первое требованіе, какое предъявляетъ онъ къ пастырю, относится къ уму послѣдняго.

Чтобы взяться за такое дѣло, прежде всего нужно обладать умомъ, достаточно развитымъ путемъ образованія, частнѣе—образованія религіознаго. „Вначалѣ убо подобаетъ быти пастырю *разумну, учительну*“, говоритъ святитель Димитрій. „Како бо вразумитъ неразумѣющаго, аще самъ неразуменъ будетъ? Како научитъ невѣжду, аще самъ неучителенъ будетъ? и како учителенъ мо-

¹⁾ Соч. т. III, стр. 526.

²⁾ Тамъ же, стр. 527.

жетъ быти, егда самъ *неученъ, ни вѣдый сила Святаго Писанія?*" 1) Среди даровъ Духа Святаго, которые по пророчеству Исаи (XI, 2—3) почіуютъ на обѣщанномъ великомъ пастырѣ Израиля Мессіи, первое мѣсто занимаетъ Духъ *премудрости и разума*: „да вѣдомо будетъ намъ, яко всякъ пастырствуяй надъ людьми Божіими... вначалѣ иматъ стяжати духовную премудрость, смыслъ, учительскій разумъ... Да будетъ премудръ ко ученію, къ наставленію, ко увѣщанію, ко обличенію непокорныхъ. Не имей же *Духа премудрости* и смысла, не сокровиществуяй во устахъ своихъ разума, нѣсть достоинъ пастырскаго сана“. Въ Ветхомъ Завѣтѣ первому архіерею Аарону Богъ повелѣлъ придѣлать по краю его первосвященнической одежды „звонцы златые“, чтобы слышанъ былъ звонъ ихъ, когда онъ входилъ въ святилище и выходилъ изъ него,—„да не умретъ“. Но Ветхій Завѣтъ былъ прообразомъ Новаго, и священство его—нашего священства. Поэтому звонки Аарона, по объясненію св. Григорія Двоеслова, „знаменоваху гласъ ученія святительскаго, яко подобаетъ архіерею, такожде и іерею не нѣму быти и уже не звонцы, но усты и языкомъ гласовати, учаще и вразумляюще люди Божія“. И какъ ветхозавѣтному первосвященнику, если бы онъ осмѣлился войти во святилище безъ звонковъ, угрожала смерть, такъ и новозавѣтнаго пастыря, „звонцовъ разума и премудрости духовной не имущаго, ни могущаго учити Христова стада“, ожидаетъ „особая нѣкая, аще и не тѣлесная, обаче духовная смерть... Мертвъ есть предъ Богомъ той, иже имя токмо и санъ пастырства носитъ, а должности пастырской не исполняетъ: должность же пастырская первая есть та, еже учити полезно, грѣхи человѣческія истребляющи, на путь же спасенія наставляющи“ 2). Итакъ, умъ, просвѣщенный „наученіемъ

1) Тамъ же, стр. 527.

2) Тамъ же, стр. 528—531.

книжнымъ" и, въ частности, „вѣдущій святая Писанія“,— вотъ первое, по ученію святителя Димитрія, требованіе отъ пастыря, вытекающее какъ изъ сложности и трудности его дѣла вообще, такъ въ частности и изъ первой обязанности его служенія—пастырскаго учительства.

Но одного умственнаго развитія и „учительскаго разума“ здѣсь далеко еще не достаточно, и святитель Димитрій подробно останавливается на другомъ, уже знакомомъ, намъ требованіи отъ пастыря: послѣднему нужно быть „не токмо... разумну, въ Божественномъ Писаніи искусну и учительну, но и *житіемъ добродѣтельну и святу*; не довѣдетъ бо словесныя овцы учить токмо словомъ, но и добраго по Бозѣ житія образомъ“¹⁾. Пастырь самъ долженъ исполнять то, чему учить другихъ, иначе онъ не сумѣетъ и научить ихъ. „Научить ли иныя творити добрыхъ дѣлъ, самъ злая творяй? Управитъ ли кого добръ въ царство небесное, самъ идый во адъ?“ Слово такого пастыря не можетъ быть дѣйствительно. „Глаголай, а не творяй, подобенъ есть грому, на облацѣхъ во время суши безъ дождя бывающему. Какъ польза отъ возгремѣнія облачнаго, аще жаждающей землѣ не изліется дождь? Кое умиленіе душамъ отъ учителя гласа, аще житіемъ не пользуется, но паче соблажняетъ? слово бо безъ образа добродѣтельнаго житія нѣсть дѣйствительно“. Кто хочетъ поднять падшаго, тотъ самъ долженъ твердо стоять; кто желаетъ заблудшаго вернуть на путь правый, самъ долженъ „предъидти“ таковымъ. Итакъ, „долженъ пастырь во устахъ имѣти слово учительное и хранити житіе ангельское, святое, непорочное“, потому что одно дурное дѣло его, „въ явленіе пришедшее, тьмы народа соблазнитъ“. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ отъ пастырей требовалась и добрая жизнь по Богѣ. „Дамъ вамъ пастыри по

¹⁾ Тамъ же, стр. 532. Курсивъ мой.

сердцу Моему“, говорилъ Іегова Израилю, а „быти по сердцу Божію—еже творити вся хотѣнія Его“. Тѣмъ болѣе необходимо это пастырю новозавѣтному“ 1).

Но въ наставленіи словомъ и въ руководствѣ примѣромъ собственной жизни далеко еще не все дѣло пастыря. Это, можно сказать, лишь методы, пути пастырства; сущность же, самая душа его не въ нихъ. Движущая сила, побуждающая пастыря и къ учительству и къ строгой внимательности къ личной жизни, это—*„попеченіе велие о стадѣ“*. На него и указываетъ далѣе святитель Димитрій. Къ этому неусыпному попеченію, неустанной заботливости о пасомыхъ обязываетъ пастыря страшная отвѣтственность его служенія. „Страшно слово Господне во Іезекіилевомъ пророчествѣ на нерадивыхъ пастырей слышится“, а это слово приложимо и къ новозавѣтнымъ пастырямъ, которые должны внимать, „коль грозно имать Богъ истязати пастырей о пасомствѣ ихъ“ 2).

Это попеченіе о стадѣ потребуетъ отъ пастыря *великихъ трудовъ*, потому что онъ долженъ будетъ „всѣхъ бремена носить“. Слѣдуя притчѣ Христовой о добромъ пастырѣ, онъ долженъ будетъ „рамена своя подложить вѣренной себѣ овцѣ, носить тяготу ея“. И не только подобно пастуху безсловеснаго стада, но подобно матери, которая носить дитя свое и сама питаетъ его,—„такъ да носить духовнѣ пастырь словесныя оцды, духовною пищею аки младенцы млекою я питая“ и вмѣстѣ съ тѣмъ не оставляя безъ вниманія и внѣшнія нужды ихъ. Все это потребуетъ отъ него неисчислимыхъ трудовъ: найти заблудшаго, поднять падшаго, исцѣлить израненнаго, носить немощи и тяготы обремененныхъ... и въ тоже время,—и во внѣшнихъ нуждахъ руку помощи подавати обидимымъ, заступати непо-

1) Тамъ же, стр. 532—536.

2) Тамъ же, стр. 537.

винныя, пецися о убогихъ и нищихъ, и иная духовная церковная управленія добрѣ строити“. И горе пастырю, который „труда подобающаго не подъемлетъ, иже своя токмо корысти взыскуеть, себе токмо пасеть, а о овцахъ не радить“. Такимъ пастырямъ воздастся „въ послѣдній день, въ часъ грознаго испытанія“: „за сладкія снѣди пелынь, за сладкія питія желчь“¹⁾).

Но никакіе труды и никакія тяготы не должны лишать пастыря *бодрости*, той особой крѣпости душевныхъ силъ, которая такъ необходима ему въ его многотрудномъ служеніи. Пастырь это стражъ, поставленный оберегать порученное ему стадо, подобный стражу города или полка. „Не спить стражъ стрегій ноцію; не подобаетъ и духовнаго стада пастырю сонливу быти“. Образъ такого бодрого пастыря нужно видѣть въ херувимахъ—шестокрылатыхъ, четвероликихъ, многоочитыхъ, которыхъ видѣлъ у престола Божія св. Іоаннъ Богословъ. Пастырь долженъ быть противъ волковъ, нападающихъ на стадо, „крѣпокъ, аки левъ“; трудолюбивъ въ своемъ дѣлѣ, „аки волъ“; „милостивъ и сострадательнъ, аки человекъ; умомъ же Богомысленнымъ высокопаренъ, аки орелъ“. Подобно херувимамъ многоочитымъ „и пастырь долженъ многоочитъ быти“:—зорко наблюдать настоящее и предвидѣть будущее, вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно смотрѣть и внутрь собственной души, чтобы, указывая путь другимъ, самому не упасть въ яму²⁾).

Въ виду такихъ трудностей и такой страшной отвѣтственности пастырскаго служенія, святитель Димитрій предостерегаетъ отъ недостойнаго и легкомысленнаго принятія его, причемъ указываетъ примѣры изъ временъ древней церкви, когда „многи отъ святыхъ бѣгаху пастырскаго сана“—изъ благоговѣйнаго страха предъ нимъ; съ другой

¹⁾ Тамъ же, 537—540.

²⁾ Тамъ же, стр. 540—542.

стороны, въ современной ему русской жизни онъ наблюдаетъ противоположное явленіе, когда люди недостойные, по низменнымъ побужденіямъ, „многимъ попеченіемъ и святокупствомъ санъ той пріяти тщатся“¹⁾.

Таково содержаніе этого слова святителя Димитрія „О пастырствѣ духовныхъ пастырей“. Какъ видимъ, это цѣльный пасторологическій трактатъ, написанный прямо на тему о трудности и отвѣтственности пастырскаго служенія. При этомъ послѣднее разсматривается по существу, какъ дѣло *пастырски-воспитательное*. Въ христіанскомъ воспитаніи человѣческихъ душъ, ввѣренныхъ пастырю, сущность этого служенія. Къ своей высокой цѣли пастырь долженъ итти путемъ словеснаго наученія пасомыхъ и руководства ихъ примѣромъ собственной жизни, отдаваясь всецѣло непрестанному всеобъемлющему попеченію о нихъ. Пастырское „душепопеченіе“ (древне-отеческое „*pastoralis cura animarum*“)—вотъ центральный пунктъ, самое ядро, душа пастырскаго служенія. Въ этомъ и главная трудность его, а не въ богослужебной сторонѣ его, которой совершенно даже и не касается здѣсь святитель Димитрій.

Какъ характерную черту этого слова нужно отмѣтить, далѣе, отвлеченный, по преимуществу теоретическій характеръ его. Элементъ современности, въ смыслѣ наглядныхъ примѣровъ и иллюстрацій изъ окружающей современной жизни, здѣсь очень незначителенъ. Трактатъ написанъ въ духѣ и стилѣ классическихъ твореній этого рода древне-отеческихъ и именно восточныхъ: тотъ же идеальный подъемъ высоко-христіанской мысли и благоговѣйнаго чувства, тотъ же методъ анализа вопроса и тотъ же приемъ обоснованія развиваемыхъ положеній на Свящ. Писаніи, съ широкимъ использованіемъ ветхозавѣтныхъ и по преимуществу пророческихъ мѣстъ. Встрѣчаются частыя ссылки

¹⁾ Тамъ же, стр. 543—545.

на св. Иоанна Златоуста, но не на его классическое *Περὶ ἱερωσύνης*. Для насъ слово это представляетъ особенную цѣнность, какъ раскрывающее съ полною ясностью пастырскія воззрѣнія автора его.

Въ такихъ чертахъ представляются намъ пастырская дѣятельность святителя Димитрія, его ученіе о пастырствѣ и весь обликъ его, какъ великаго, воистину *добраго* пастыря земли Ростовской. Худенькій, небольшого роста, сутуловатый, съ маленькой клинообразной бородкой, въ очкахъ, въ шерстяной раскѣ любимаго темнозеленнаго цвѣта—вотъ и внѣшнія черты его ¹⁾. Великій подвижникъ, въ часы святого религіознаго самоуглубленія возносившійся всею душою къ Богу, неустанный ученый труженикъ, познавшій всю глубину наслажденій литературнаго творчества, онъ не замкнулся въ себѣ, не отгородилъ себя отъ міра непроницаемою броней архипастырскаго величія и ученой недоступности; нѣтъ,—онъ любилъ человѣка и особенно бѣднаго простаго человѣка; онъ глубоко страдалъ о его несчастной жизни, погрязшей во тьмѣ невѣжества, нищеты, неправды и зла, и вотъ эта любовь и сдѣлала его истиннымъ пастыремъ.

„Ублажаете, Преосвященство ваше, уединеніе,—пишетъ онъ своему другу, Стефану Яворскому (въ первыхъ числахъ января 1708 г.),—ублажаю и азъ. Но и святаго Макарія Египетскаго разсужденіе не худо, который о пустынникахъ и о труждающихся во градѣхъ и для людской пользы пишетъ сице: *овыи* (пустынножители), *имуще благодать, о себѣ только пекутся: иныя-же* (учители и слова Божія проповѣдники) *имыхъ души пользовати тшятся: сіи оныхъ много превышаютъ*. Подвизайся о укрѣпляющемъ васъ Иисусѣ, подвижниче Христовъ! Время сіе не по случаю какому наложися вашему Святительству, но смотрѣніемъ Божиимъ...

¹⁾ Н. А. Шлякинъ, цит. соч., стр. 355.

Иго Христово благо носиши: буди и *бремя Его вамъ легко*“¹⁾. Такъ смотрѣлъ святитель Димитрій, конечно, и на себя самого. И легко было для него это великое тяжкое бремя пастырства. Для себя лично онъ вѣдь не искалъ въ жизни ничего—никакихъ благъ земныхъ. Отъ юности, „отнележе бо пріяхъ святой иноческій образъ... даже до приближенія моего ко гробу, не стяжевахъ имѣнія и мшелоимства, кромя книгъ святыхъ“,—читаемъ въ замѣчательномъ духовномъ завѣщаніи его, гдѣ онъ умоляетъ „помянути грѣшную душу“ его въ молитвахъ „*безденежно*“— „*Бога ради*“²⁾. Это былъ сознательный, убѣжденный безсребренникъ, всѣ скудныя средства свои раздававшій бѣднымъ, „на нужды нуждныхъ“³⁾,—митрополитъ нищій, по смерти своей въ архіерейской казнѣ оставившій 39 р. 20 алтынъ⁴⁾. Зато какія духовныя цѣнности остались отъ него Россіи!

Этотъ, повидимому, немощный, безсильный, хворавшій человекъ не зналъ отдыха отъ постоянныхъ непрерывныхъ трудовъ—притомъ самыхъ разнообразныхъ. Мы отчасти видѣли, что сдѣлано было имъ въ Ростовѣ, уже на остаткѣ дней его. Но мною указано далеко не все. Я совершенно не касался того литературнаго труда его, который одинъ обезсмертилъ бы имя его,—Четь-Миней; между тѣмъ послѣдняя четверть ихъ была написана здѣсь же, въ Ростовѣ. А сколько мелкихъ, случайныхъ литературныхъ произведеній написано имъ въ этотъ же періодъ! Духъ его не зналъ усталости; въ умѣ рождались все новые и новые планы. „Не можетъ скоро писать,—жалуется онъ въ письмѣ Θεодору Поликарпову 8 ноября 1708 года,—не токмо за трудностію дѣла, но и за моею немощію: часто изнемогаю... А къ тому очи видя мало видятъ, и очки не много помогаютъ, и рука пи-

¹⁾ Соч. ч. I, стр. 344.

²⁾ Тамъ же, стр. 31.

³⁾ Тамъ же,

⁴⁾ И. А. Шляшкинъ, цит. соч., стр. 320.

шущая дрожить, и вся храмина тѣла моего близъ разоренія“... И однако, не смотря на всѣ эти немощи и недуги, неустанный труженикъ летитъ мыслью все впередъ и впередъ: онъ мечтаетъ, окончивъ „Лѣтописца“, приняться еще за псалтирь, „еже вкратцѣ изъяснити ю толкованіемъ“ и все съ тѣми же пастырскими цѣлями ¹⁾. Такъ, не смотря на немощь тѣла, уже близкаго къ разрушенію, духъ его горѣлъ и горѣлъ.

И горитъ онъ и сейчасъ предъ нами—въ великихъ, безсмертныхъ литературныхъ трудахъ его, въ святыхъ молитвахъ его о насъ и въ той благоговѣйной памяти, какую воздаемъ мы этой красѣ и гордости нашей *Almae Matris*.

Н. Маккавейскій.

¹⁾ Соч. ч. I, стр. 348—349.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru